

Диалоги памяти*

АССМАН А. (2014) ДЛИННАЯ ТЕНЬ ПРОШЛОГО: МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА / ПЕР. С НЕМ. Б. ХЛЕБНИКОВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2014. 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8

Александрина Ваньке

Кандидат социологических наук, доцент

Государственного академического университета гуманитарных наук

Адрес: Мароковский пер., д. 6., г. Москва, Российская Федерация 119049

E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

Выход русскоязычного перевода книги «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» ознаменовался приездом ее автора, немецкого культуролога Алейды Ассман, в Москву. Презентация книги и дискуссия вокруг нее, состоявшаяся при поддержке издательства «Новое литературное обозрение», Гёте-Института и других культурных организаций 17 октября 2014 года в Международном обществе «Мемориал»¹, с одной стороны, показали наличие разных контекстуальных условий, в которых формируется память о прошлом в России и Германии, а с другой — приоткрыли возможность для диалога между немецкими и российскими исследователями, обозначив новые способы говорения о мемориальных культурах обеих стран.

Книга Ассман, впервые вышедшая на немецком языке в 2006 году, до сих пор не утратила своей актуальности. Она отвечает запросу современного немецкого общества, ступившего на путь глубинного переосмысления и проработки травматической памяти о Второй мировой войне и Холокосте, а также соответствует потребностям европейских государств, формирующих сегодня свои мемориальные политики. Российскому читателю книга представляет альтернативную модель создания памяти, которая возникает в процессе коммуникаций и интеракций участников различных сообществ, находящихся друг с другом в постоянных перекрестных диалогах и взаимодействиях.

Оригинальная методология «Длинной тени прошлого» позволяет рассматривать различные нарративы памяти, которые генерируются в рамках конвенций на пересечении культуры, истории и медиа. Мирно сосуществуя, конкурируя или бо-

---

© Ваньке А. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-240-245

* Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14-28-00217.

1. Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Стенограмма московской презентации книги. 19.11.2014. Доступно по ссылке: <http://urokiistorii.ru/node/52273> (дата доступа: 05.05.2016).

рясь друг с другом, эти мемориальные нарративы служат объектом пристального изучения Ассман, создающей новый концептуальный аппарат. Учитывая, что сегодня в русскоязычном пространстве довольно остро ощущается «нехватка» мета-языка для описания мемориальных процессов, происходящих в современной России, книга будет особенно интересна отечественным историкам, культурологам, социологам, антропологам и философам, работающим в области *memory studies*.

Книга состоит из двух частей. В первой излагаются теоретические основания авторского подхода и обращается внимание на многочисленные дискуссии, которые ведутся по теме памяти в немецком публичном пространстве; во второй — детально рассматриваются конкретные примеры, относящиеся к сложной и противоречивой памяти «преступников» и «жертв» (с. 74–75), «победителей» и «побежденных» (с. 70–71).

В авторской концептуальной схеме, описанной в первой части книги, устоявшаяся уже (во многом благодаря работам Мориса Хальбвакса²) бинарная оппозиция «индивидуальное»/«коллективное» не отвергается, но заменяется четырьмя видами памяти, сгруппированными по выполняемым ими функциям и размеру сообществ, на которых они ориентированы. Так, исследовательница предлагает разделять память на *индивидуальную, социальную, политическую и культурную* (с. 19).

Индивидуальная память «является динамичным средством проработки индивидуального опыта» (с. 21), однако она имеет социальную основу и функционирует за счет межличностного общения. На протяжении всей книги Ассман рассматривает индивидуальную память в соотношении с другими видами памяти (см., например, главу 8) и пытается проследить переходы с одного уровня на другой (с. 223).

Граница между индивидуальным и социальным, по мнению автора, проницаема, поэтому *социальная память* динамична и подвижна; формируется «снизу» в социальной среде и в определенном временном горизонте, становясь результатом многочисленных согласований, дискуссий и споров (с. 22, 29). Она представляет коммуникативную память социальных групп, общностей и поколений, имеющих консолидирующие воспоминания о тех или иных событиях. Примером в данном случае может послужить память семьи, которая передается от старших к младшим (с. 223).

Если понятия индивидуальной и социальной памяти³ привычны для слуха русскоязычного читателя, поскольку они уже обрели статус конвенциональных в

---

2. В начале XX века французский социолог М. Хальбвакс ввел понятие «коллективная память», которой противопоставляются индивидуальные воспоминания. Последние подчинены работе над-индивидуальных структур и помещены в социальные рамки: «...получается, что существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» (Хальбвакс М. [2007]. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. С. 29).

3. См. подробнее: Рожественская Е., Семенова В. (2011). Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. № 6. С. 27–48; Васильев А. (2014). Со-

работах отечественных социальных ученых, то *политическая и национальная память* в России до сих пор служат предметом изучения лишь немногих российских исследователей⁴. Как пишет Ассман, «национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институциями, воздействуя на общество „сверху“» (с. 35). Она воспроизводится с помощью ритуалов, национальных праздников, мемориалов и памятников, а также обретает себя в гранд-нарративах. Перспективы изучения политической памяти в российском контексте пока не ясны. Однако, отмечает Ассман в интервью немецкой радиоконпании Deutsche Welle, без изучения памяти этого уровня и «признания былых преступлений» россияне не смогут преодолеть забвение и проработать травматические воспоминания, связанные с темными пятнами российской истории⁵.

Наконец, *культурная память* сравнима с резервуаром, выполняющим накопительную функцию. Она носит транспоколенческий характер и основывается на символических средствах репрезентации, «характеризуется необходимым многообразием воплощения в текстах, визуальных образах, трехмерных артефактах» (с. 58). Вместилищем культурной памяти выступают архивы, музеи, библиотеки, кинофильмы и художественная литература, обеспечивая ей долговременность, а ритуалы и традиции служат средствами ее воспроизводства (с. 59).

Во второй главе автор предпринимает попытку расширить теоретические границы и определить ключевые понятия, позволяющие осмыслить механизмы порождения индивидуальной и коллективной памяти. К трем вопросам историка Райнхарта Козеллека: «О ком следует помнить? Что следует помнить? Как следует помнить?» — она добавляет вопрос «Кто помнит?», проблематизируя тем самым статус вспоминающего (с. 65). Опорными пунктами в данном случае служат прошлый опыт и деяния вспоминающего, актуализация которых сопровождается эмоциями гордости и стыда или вины и страдания. Так, господствующая *память «победителей»* с ее триумфальными нарративами противопоставляется угнетенной *памяти «побежденных»* с характерными для нее поражениями и травмами на национальном уровне (с. 69, 71). Однако постепенные трансформации немецкой исторической политики привели к замене структурной оппозиции «победители»/«побежденные» на разделение «жертвы» и «преступники», что выразилось в новом противопоставлении *памяти «жертв»* со свойственными ей сакральными элементами героизации и виктимизации и *памяти «преступников»* (с. 74) с чувствами коллективной вины, практиками вытеснения воспоминаний, их замалчивания и подмены. Сопоставление памяти «жертв» и «преступников» в авторской концепции Ассман осуществляется на границе понятия «травма», ко-

---

циональная память на подмостках театра новых медиа // Неприкосновенный запас. № 4(128). С. 310–317.

4. См. раздел «Полевые исследования: политика памяти в современной России» (Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 8).

5. Ассман А. (2014). «Россияне старательно пытаются стереть из памяти очень многое...» // Deutsche Welle. 23.10.2014. Доступно по ссылке: <http://dw.com/p/1DZvO> (дата доступа: 05.05.2016).

торое в первом случае применяется к специфическому опыту субъекта, пережившего насилие, а в последнем — к «внезапной, шоковой конфронтации с личной ответственностью и совестью» тех, кто осуществлял насилие (с. 102).

Освободительный потенциал выделенных видов памяти Ассман рассматривает во второй части книги. В третьей и четвертой главах исследовательница задается вопросом о том, насколько правдивы воспоминания. Социологу-конструктивисту подобный вопрос покажется странным, если не бессмысленным, однако заметно, что проблема мемориальной аутентичности беспокоит автора. Для ее осмысления она вводит два понятия — разграничивает два биографических модуля: «Я-память» и «меня-память». Ассман прослеживает различия между ними на примере публичной речи писателя Гюнтера Грасса, произнесенной им в Вильнюсе в 2000 году. «Я-память» относится к действующему субъекту; она активна и экстернализирована. Ее задача «состоит в том, чтобы сознательным усилием вызвать из памяти те или иные воспоминания и облечь их в форму рассказа» (с. 128). В то время как «меня-память» атрибутируется объекту — *памятному месту* (*lieux de souvenir*) или *человеческому телу*; она пассивна и инкорпорирована, подчинена работе подсознания и соотносится с понятием «*телесной памяти*», введенным в оборот немецким социологом Алоисом Ханом⁶. Примером «меня-памяти» могут послужить воспоминания, нахлынувшие на Грасса, оказавшегося в послевоенном Гданьске, где прошло его детство, которые вызваны ощущениями от внешних «зацепок», оживляющих в воображении писателя картины прошлого: тех же самых запахов школьных коридоров, звуков волн Балтийского моря, знакомого вкуса шипучего напитка (с. 129).

Установление статуса воспоминаний — их «правдивости» — необходимо Ассман для анализа феномена «ложной памяти», которая приводит к метаморфозам идентичности и/или психическим расстройствам вследствие ее принятия индивидом (с. 147). В качестве примера ложных воспоминаний исследовательница приводит несколько случаев «переписывания» автобиографии, смены имени, «подмены» личности с единственной целью: встроиться в нормативные рамки мемориальной морали и следовать общепринятым правилам культуры памяти, хорошо распознавая, какие воспоминания корректны, а какие нет (с. 180), о чем автор пишет в пятой главе своей книги.

В шестой главе на многочисленных примерах рассматриваются стратегии вытеснения воспоминаний преступников, коих Ассман насчитывает пять. Во-первых, *взаимный зачет вины*, когда используется самооправдание, а акцент переносится на память о жертвах (с. 183). Во-вторых, *экстернализация*, предполагающая «отрицание собственной вины и приписывание ее другому» (с. 184). В-третьих, *пробелы*, представляющие собой сбой памяти, — то, что не было запомнено когда-то и, как следствие, не извлекается из памяти сегодня (с. 189). В-четвертых, *замалчивание* как молчание жертв и преступников в течение первых двадцати лет после окон-

---

6. Hahn A. (2010) Körper und Gedächtnis. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. S. 131.

чания Второй мировой войны (с. 190). И, наконец, *фальсификация* на уровне семейных историй (с. 194), расходящихся с общепринятыми жертвенными мемориальными нарративами в Германии, о которых Ассман подробнее пишет в седьмой главе, показывая множественный характер индивидуальных и семейных воспоминаний, а также отмечая гомогенизацию на уровне репрезентации (с. 219).

Восьмая глава посвящена пересечению между живой памятью-опытом поколений, переживших Вторую мировую войну и Холокост, и медиализированной культурной памятью, существующей на уровне репрезентаций (с. 222). Рассуждая о понятийных границах и переходах от одного вида памяти к другому, Ассман выстраивает их иерархию и показывает, что память дифференциальна. Для российского читателя особый интерес представит девятая глава, посвященная мемориальным местам, памятным датам и праздникам. Хорошо известному понятию «место памяти» Пьера Нора Ассман противопоставляет «памятное место» (с. 237), которое значимо для индивидуальной биографии и служит свидетельством реальных событий. Празднование Дня Победы и актуализация 9 мая мемориалов Великой Отечественной войны в России и на постсоветском пространстве могут быть рассмотрены через призму этих понятий, что делает ряд исследователей постсоветской мемориальной культуры⁷.

Как уже было сказано выше, одним из центральных сюжетов книги является тема Холокоста. Перспективы и будущее памяти об этом травматическом событии Ассман осмысляет в десятой главе. Исследовательница отмечает тенденцию к институциональному закреплению памяти о Холокосте в музеях, памятниках, библиотеках, архивах, мемориалах и памятных местах (с. 260). Она также пишет о процессах ее медиализации и коммодификации за счет серийного производства культурных медиапродуктов, посвященных данной теме. В качестве примера приводится популярный американский телесериал «Холокост», который был запущен в 1978 году. С одной стороны, он привлек внимание мировой общественности к теме Холокоста, с другой стороны, навлек на себя немалую критику профессиональных историков. Беспокойство Ассман по поводу создания «Индустрии Холокоста» вылилось в написание ею в 2013 году другой книги, посвященной становлению новой мемориальной культуры в Германии и за ее пределами⁸. В социальных рамках этой культуры память о Холокосте становится предметом политического и экономического торга, борьбы за право называться жертвами.

Завершает книгу одиннадцатая глава, в которой автор рассматривает Европу как мемориальное сообщество с характерными для него проблемами создания ев-

---

7. Например, участники международного проекта «Памятник и праздник: празднование 9 мая и взаимодействие советских военных памятников с местными сообществами стран-наследниц советского военного блока», проводившегося под руководством М. Габовича и Е. Никифоровой при поддержке «Мемориала» и Центра франко-российских исследований в 2013 году. Подробнее о результатах исследования см.: *Габович М.* (ред.). (2016). Памятник и праздник. М.: Новое литературное обозрение. [В печати].

8. *Ассман А.* (2016). Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.

ропейской идентичности и успешными примерами консолидации стран Евросоюза на основе поствоенной памяти. Как отмечает итальянский историк Серджио Романо, Европа, несмотря на исторические, политические, экономические и культурные различия ее стран, тем не менее после окончания Второй мировой войны движется в сторону объединения⁹. Во многом эта реюнификация оказывается возможной благодаря формированию и признанию мультилокальных памятей, выстраивающихся вокруг Холокоста как парадигматического «места памяти», которое и составляет на сегодняшний день основу общеевропейской идентичности (с. 279). В этом смысле проект политической памяти в России строится на основании другого топоса — победы многонационального народа в Великой Отечественной войне, что задает иную перспективу для национальной консолидации.

Подводя итоги, следует сказать, что большинство приводимых во второй части книги примеров относятся к немецкой памяти со значимыми для нее фигурами таких немецких интеллектуалов, как Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Райнхарт Козеллек, Харальд Вельцер и другие. Тем не менее, как хорошо показал Лутц Нитхаммер¹⁰, немецкая память имеет свою специфику. В ней преобладают чувства коллективной вины и жертвенности, наряду с требующими длительной проработки травматическими воспоминаниями. В силу того, что российская память тоже специфична своей монологичностью и триумфальными нарративами, перенос в российские реалии понятий, предложенных Ассман, оказывается проблематичным, но тем самым он позволяет четче увидеть различия и сходства мемориальных культур в Германии и России, чьи истории переплетены не только мировыми войнами, но и тесными связями. В этом смысле «Длинная тень прошлого» своевременна еще и потому, что она предлагает идею транснациональных диалогов памяти, которые куда продуктивнее любых мемориальных войн.

Dialogues of Memory

Alexandrina Vanke

Associate Professor, The State Academic University for the Humanities
Address: Maronovskiy pereulok, 26, Moscow, Russian Federation 119049
E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

Review: Aleida Assmann, *Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History] (Moscow: New Literary Observer, 2014) (in Russian).

---

9. Romano S. (1990). Le poids de l'histoire // Six manières d'être européen. Essais réunis par D. Schnapper, H. Mendras. Paris: Gallimard. P. 25.

10. Нитхаммер Л. (2012). Вопросы к немецкой памяти: статьи по устной истории / Пер. с нем. К. Левинсона, Е. Щербаковой. М.: Новое издательство.